

Николай Зайцев

ЛОШАДЬ ПРЖЕВАЛЬСКАЯ

Сидели, пили. Что пили? Да всё подряд, ну там, что поднесут очередные прихожане в дом нашего замечательного друга Ивана. Имя-то какое! За всю Русь ответчик, за весь мир, на всю ширь земную известен, а среди нас так и вовсе герой – свой дом, жены нет, день и ночь приют для друзей похмельных и прочих. Прочих – это когда не пьём, работаем, создаем страну и блага обществу. А то как же, иначе нельзя – неровен час сопьёшься, тогда одна дорога – к наркологу, а тому совсем невыгодно, чтобы клиент пить бросил, он руками над тобою помашет, микстуры стакан в твою утробу вольёт, денег у жены твоей срубит и скажет, будто библейский пророк, мол, заклинаю тебя, сын мой, не пить воды огненной, а то алкоголиком станешь. И срок назначит начала и окончания кода своего, на тебя наложенного печатью, ну – на бумаге, опять же для жены отчёт за проделанную над тобой работу. Но существует код генетический, тот всегда выше по званию всех искусственных, на все другие кодировки и шифры у него есть отмычка. Скажет строго – пора, и все запреты нипочём станут, потому что так же твой пращур поступал, а его ген к тебе перешёл, может быть, через столетия, и этот приказ ты должен выполнить, как боевое задание, а за какое время уложиться в работе, тоже из глубины веков подскажут. И никакие врачи изменить эту причину запоя не могут и не смогут. Наследие предков – дело великое, почётное. Сказано ведь – почитай отца своего, велят – делай, как они там условились ещё до твоего рождения. Никакого вопроса – быть или не быть – не существует, назначили тебя в жизнь – и никуда не денешься... Генетика – дело серьёзное, против неё не попрёшь. Не зря так долго эту науку запрещали, мол, вредна она, морганистов-вейсманистов долой, нам подчиняйтесь, и мы вас в люди выведем. Ан нет, каждый человек – уже люди, и живут они по своему расписанию, а сроки, когда разбрасывать камни, а потом их собирать, у каждого индивидуума свои. Какой ген перепал к тебе от предков, такой и будешь ты житель, и никакая власть, и даже жена, тебе в этом деле не указ. И сам себе тоже. Поднесут – пьёшь, откажут – завязал.

Но разговор не о том, а о лошади. Хотя, наверное, и у лошади свои задания на её земную жизнь. Всякая тварь на земле своё дело имеет. Господь всё и всем определил: одни землю пахут, другие на ипподроме скачут, есть которые на трибунах и сценах кривляются, а эта вот лошадь к нам пришла. Она-то и не знала, зачем создана такой малосильной скотиной и потом имя получила отдельное от

всех – лошадь Пржевальского. Все лошади название имеют: мустанги, рысаки, тяжеловозы, а эта одна под собственной фамилией живёт. Ну, короче, за неё Пржевальский отвечает: он её нашёл, имя передал, а значит, и гены. Конь не конь – коняшка для лилипутов. Как потом оказалось, и Пржевальский с ней пришёл, хотя сначала мы его не заметили, только потом опознали – сам признался, и нам понравился: мужик видный, грамотный, в Крыму бывал, и трубы знает медные, и как они горят с бодуна. Но начнём всё с самого начала.

Сидим, пьём... Это уже было, но без этого нет начала, потому что с этого всё и началось. Пьём – это значит, нас много. И пьём тоже немерено. Не все, правда, пьют... остались самые выносливые. Остальные на лежбище по лавкам, кроватям, дивану. Тут в окно стук, звонкий, будто кувалдой колотят. Даже те, кто к смертному образу близко-близко, подскочили и ждут, какая весть общество настигнет... Может, бежать придётся... Иван занавесочку подвинул, а за окном – лошадь. Копытцем тук-тук, а на нём подковка сияет серебряная. Смекнули, что не голая лошадь, а животиная, в драгметаллы обутая, к нам явилась. Крючок с двери скинули, она и вошла. Приличная такая лошадка. Причёска современная, будто с телевизора, и зубы все, когда улыбнулась, узнали. Присела, молчит. А нам-то чего, пусть сидит: лошадь – друг человека, и все вокруг тоже друзья. Лишний рот, конечно, хуже татарина, но мы-то про подкову серебряную помним, на чёрный момент нищеты нашей будущей сгодится вместе с ногой. Из ноги можно холодца наварить... Это на потом мысли, а пока у нас полон стол: водка, вино, и огурцы в банках Нинка притащила от собственного засола. Налили, лошадь водку проглотила, огурцом хрустнула и опять молчит. У нас так не положено! Угостили тебя, говори, зачем и с чем пожаловал? Но лошадь она лошадь и есть, хотя доподлинно неизвестно, кто она – самка или конь с...

Помог Пржевальский, высунулся откуда-то из передней комнаты и говорит: «Ах ты, шалава непарнокопытная! Я уже думал – потерялась, и Бога молю, чтобы не нашлась, а она туточки восседает». И рассказал, как он её нашёл, удочерил и фамилию свою ей назначил. А то бы так и бегала по степи – конь не конь, и заяц не заяц, и на осла тоже непохожа. До осла вообще дослужиться надобно, не всякому животному ослиное звание назначают. Так просто живут, без признаков отечества... В степи какое отечество: туда рванул, оттуда – и всё пустое место... Про свою жизнь бродячую долго рассказывал учёный-путешественник, про лошадей тоже. Сожалел, конечно, что не нашлась лошадка приличного сложения, а эта вот недоразвитая. Она слушает, головой согласно трясёт, водку пьёт. Скоро добрался Пржевальский в своём рассказе до края света, вдохновение кончилось, просьба появилась. Но не выпить попросил, а за лошадью присмотреть, куда он в Индию сбегает, в Катманду, недалеко то есть, через Гималаи, там к Рериху зайдёт, и тот точный маршрут укажет. С лошадью через горы высокие не очень удобно ходить, она не архар, чтобы по скалам скакать. Как только обернется, заберёт её и про подарки заморские нам не забудет. Говорит, мол, вы её, голубушку, используйте здесь по полной, она и землю вспашет, и дрова привезёт, а кому и вместо жены сгодится, когда не пьёт... Если не подносить, тогда не пьёт...

Задумались мы тут крепко над его предложением. Уже думали согласиться, но водка кончилась, а на трезвую голову лошадь в дом принимать, хоть она и известной фамилии, не всякий доброе намерение выскажет. Иван тем более, он у

нас, как Пётр-апостол, двери нам открывает, ну не в рай, конечно, но в жилище, где не смотрят на тебя с укорами. А лошадь будет здесь жить – кем она Ивану станет и как она на всех смотреть будет: голова у неё большая, но лошадиная, кто узнает, что там в ней.

Вопросов много созрело, всухую не потянуть такую загадку. Пошарили в карманах, не нашли ничего. И у лежащих ниц тоже. Про копыто вспомнили серебряное – и к Пржевальскому: мол, как насчёт опохмелки за счёт обуви лошадиной? Тот ничего не ответил на эти притязания, встал и вышел из дома, по дорожке за ворота, там и скрылся, в неизвестности общество оставив. Оставшиеся задумались: про лошадь бездомную и пьяную к тому же, о водке, которой всегда не хватает, как снять и куда сбыть серебряное изделие, не обвинят ли в краже и валютных махинациях... Разговору много – на целый ящик водки, которую неизвестно где взять. Самая трудная задача из всех житейских проблем, потому что денег нет, день только начался, а с утра выпить хочется, как никогда, и это никогда кажется вопросом неразрешимым до возможного действия, которое должно свершиться во что бы то ни стало, но нужно ждать... поглядывая, однако, на серебряное копытце новоприобретённой подруги с лошадиной улыбкой... Тут автомобиль застрекотал за окном. Кто живой – приникли к стеклу носами, раздавленными от любопытства. И – о чудо! – ворота растворились, Пржевальский с каким-то мужиком вносят какие-то свёртки, а следом тот самый ящик с алкоголем, о котором мечталось в отсутствие водки. Выбежали на двор, кто в чём был, давай помогать, но больше вокруг суетиться, участие своё в деле запечатлеть, а дело-то нешуточное – ящик водки с закуской, и сразу весь, не поштучно! Втащили богатство в дом, радостные, будто свадьбу собрались играть, а почему нет? И невеста есть, а что на лошадь похожа, так после ящика выпитой все красавицы, и кобылы – невесты. Ну и что, что зубы как частокол, зато животное травоядное, не сожрёт жениха, когда случай представится. Молчит – это благодать, но всё понимает и к хозяину привязана.

Налили по первой из новой партии товара, закусили и возрадовались дивной династийной паре Пржевальских, где смешались кони и люди в одну фамилию, то есть семью, если с аглицкого это словосочетание перевести. Тут и спросили Пржевальского, когда он в Катманду отбывает, а он нас так обрадовал: говорит, ещё на ящик есть, а потом пора в Гималаи. Надо только решить, что с лошадьё делать, но это в рабочем порядке должно решиться, за столом и разговором. На этом переговоры закончились. Приют для лошадки почти найден, много ли места ей надо? И это решение полностью зависит от Ивана, а он мужик серьёзный и человека в беде не оставит, то есть коня тоже. Но время на обдумывание дано, и водку употребить надо в это же время, а на двух стульях не сидят, двум хозяевам не служат, два дела враз делать не получится. Выбрали так: сначала водку пить, а потом остальные проблемы. Про лошадку не то чтобы забыли, а так, вопрос об её устройстве на потом оставили, да и печалиться незачем, всё пока устроено – пить есть, спать тоже... Будет день, будет пища.

Но не тут-то было. Нет, вначале всё, как по маслу пошло, но к зениту попойки лошадь как давай ржать – со стен штукатурка посыпалась. Выпьет и ржёт, ржёт и пьёт. Давай её уговаривать, мол, веди себя скромнее, жить будешь красивее, а она каблучком по столу постукивает, то есть копытцем указывает, что и по темечку может врезаться. Ошалела короче, то ли водки перебрала, а может, от

неустроенности. Весь кайф сломала, водки валом – гуляй, веселись, а она ржёт дико. Лошадь она дикая. Хотя и с фамилией, а всё равно подкидыш. Чего с неё взять.

Водку ещё не допили, а уже невольно стало с ней за одним столом находиться, и в комнате, и в доме, где такое ржание стоит, будто табун лошадей гуляет. И к Пржевальскому обращались, мол, угомони ты свою дочь названную, а он говорит, нет таких средств, и даже овёс не поможет: нажрётся и ржёт ещё громче. Измучились мы с ней, извелись, и водка не в радость. Пржевальский в Индию отвалил, а мы по домам разбрелись, подальше от её ржания проклятого. Так она нам и запомнилась, эта Пржевальская лошадь, – пьющей и ржущей. Зачем помнить её, спросите? А затем, что потом её видели только издалека. Она у Ивана живёт, а мы туда ни ногой! Кого увидит – ржать начинает, и бежишь сразу сломя голову от этих звуков тоскливых.

...А Иван ничего – обжился. И огород у него вспахан и засеян. А по выходным он на своей квартирантке детишек катает на площади, народ веселит и деньги зарабатывает. Совсем не пьёт, говорят. Рюмку выпьет, лошадь ржать начинает и три дня ржёт без передыху, будто жеребец во время гона. А ещё поговаривают, что Пржевальский и не Пржевальский вовсе, а нарколог из области, и, дескать, бабы наши его подкупили, и устроил он нам лошадиную или конно-терапию, так его метод называется, и поил он нас за наши кровные бабки, и отбыл не в Индию, а в столицу края. Лошадь оставил на случай, если с кем из нас запой случится: туда сразу её, голубушку зубастую, ведут, и три дня ты эту музыку слушаешь, и спасу от её ржания нет, хоть беги... А куда бежать? К Ивану? Но она как раз там и живёт – Пржевальская лошадь.

ЖИЗНЬ ТВОРЧЕСКАЯ

Любовь к творчеству ещё никого не обогатила.

Гай Петроний Арбитр

За все удачи и грехопадения нашего прошлого мы будем расплачиваться, – нет, не на том свете, а памятью этих событий, которые ни изменить, ни поправить невозможно. В юности жизнь прекрасна, и даже мелкие злодеяния, вами невзначай совершённые, скоро забываются, но только до срока осознания их тяжести в будущем. Прозрение памяти нечутко к нашим желаниям избежать того или иного воспоминания, оно вообще не зависит от нас – приходит в любое время и прокручивает кадры нашего участия в фильме с названием «жизнь». И тут философский взгляд: всё проходит, пройдёт и это – не имеет никакого отношения к участку памяти нашего прошлого. В молодости всё доступно и всё обходимо, печали и радости легки и быстро минуют, и мы движемся среди них, отталкиваясь от оных и приставая к иным мирам, потому что не знаем, чем обернётся нам наше новое пристрастие к чему-либо. Мы ещё ничего не знаем о путях, что нам суждены, не верим в предназначение, а только в себя и себе. Так то и лучше: когда веришь себе, тогда и живёшь свою жизнь сам. Но если королей делает свита, то как же определяется любая другая судьба – простая и не совсем светлая?

Покорных людей судьба ведёт, непокорных тащит, а значит, сами мы и наши стремления, по сути, определены, просто мы об этом не знаем или не хотим знать. Мы часто хотим удалиться из своей жизни и начать всё это внове, меняем города, страны, жён, но оказываемся всё там же – около своего присутствия в жизни, и никакие дальние крепости не спасут нас от самого себя. Можно поменять всё, даже обличье, женское или мужское – неважно, сущность останется прежней, нашей, и груз прошлого никуда не денется, он – тот самый ненужный хлам, который невозможно отправить на свалку и выбросить из сознания. Память – как ахиллеова пята, самое уязвимое место в человеческом познании мира, его изучении на собственном опыте. Самое важное – это ясное понимание, что накопление опыта по мере продвижения в пространстве нашего бытия исключает его использование – ввиду нехватки времени позднего пребывания в нашей жизни.

Оставляя исполнение многих желаний на потом, мы даруем себе возможность совсем не возвращаться к их завершению, ибо молодость всегда найдёт другие занятия, где она и её сила надобна сейчас, и сомнения в правильности пути можно счесть за вздор чьего-то сопротивления вашей удаче. Не случилось – пойдём дальше, времени много. И только прошедши дивный путь под названием «жизнь», вдруг удивисься его краткости и трагизму многих твоих деяний на этой дороге, полной ухабов, которые можно было обойти, если бы внял совету, данному тебе теперь уже неважно кем.

Но были и другие советы, которым внял и послушно вершил дело согласно указанному свыше или снизу, и тоже не удалось примазаться. К чему? К славе, наверное, чего-то или кого-то. Слава становится твоей только после ухода из жизни, а пока живой – она делится между твоим окружением, и вряд ли твои соратники и просто прихлебатели уступят тебе приоритет в её присутствии на земле, и после смерти твоей тоже будут дербанить куски твоей жизни, где они сохранились рядом с тобой хотя бы на фотографии.

Но мы отвлеклись и дошли до глубокого маразма человеческого, которому звание – земная слава. Присутствие человеческого тщеславия разрушает жизнь людей мелочностью проявления этого свойства характера. «Тще славие», то есть тщетное желание прославиться, присутствует в каждом человеке, но одни понимают пустоту этого влечения, а другие считают основой своей жизни. Не удалось прославиться самим, толкнём на эту дорогу детей или ещё кого-нибудь, а сами будем сиять рядом, хотя бы волоском на пиджаке кумира. Но вот пройдены все пути славные и тще славные, они уже не могут быть продолжены по причине отсутствия сил. И тут на память приходят встречи с милой голубоглазой девушкой, которая искренне любила тебя и дарила любовью без всяких вопросов о будущем твоём величии, которое так и осталось для тебя незримой величиной, неосязаемой, а вот любовь вспомнилась и заслонила своей памятью другие события – великие и нет. Зачем она явилась?.. Почивай себе на лаврах, ан нет, так защемило сердце – больше такой любви не было, не пришлось любить просто так, как-то всё по надобности, по службе, и выгода не последним делом присутствовала, а какая от чужой любви выгода – тоска душевная и старость ранняя в опостылевшем пространстве взаимовыгодных отношений...

Вот так и жил и прожил... всем на зависть. Жена, дети – все устроены и всё устроено, но отчего же видения прошлого будоражат душу, а иногда просто терзают? Где же та девчонка, что любила и родила его первого ребёнка, которого

он даже не увидел, потому что его самого увели в другое стойло, обустроенное, уютное и, как ему тогда показалось, достойное его присутствия здесь. Любви к супруге, ему даденной благожелателями, он так и не возымел, жил некоторыми привычками, которые удалось сохранить от первых встреч, всё остальное, присущее индивидууму, было вытравлено необходимостью пребывания в чуждой атмосфере нравов и убеждений. Осталась литература, музыка и пара дружелюбных его сознанию территорий с людьми ему приятными, где он мог укрыться от своего презрения к себе. Это ему удавалось нечасто, друзья уходили, новых не находилось, хотя масса народа искали встречи с ним. Он изнывал в обществе, ему чуждом, мог преобразиться в них, но не сумел. Или не захотел, но ведь он жил среди них, этих кукол – надутых, разряженных и едва живых, если обратиться к чувствам человеческим.

Вошедши в пространство, заполненное марионетками, он не смог обездуть понимание присутствия человека на земле, своё отношение к жизни, но и выйти из порочного круга не сумел. Засосало болото бытия, но вот странно: его книги жили собственной жизнью, в которой он не участвовал. Там другие герои наслаждались его непрожитым временем. Он искренне горевал, когда заканчивал очередной рассказ, повесть. Оканчивалось не повествование, отмирала какая-то часть жизни – настоящей, непознанной, но желанной и в своё время не сбывшейся. Наверное, только благодаря этим душевным откровениям он оставался жив, так как выдуманная жизнь не кончалась, а реальная двигалась, опережая годами события непрожитой жизни. Читатели спрашивали, как ему удаётся жить сразу в двух измерениях, отстоящих друг от друга так далеко, что невозможно их объединение в нынешнем времени. Он терялся от таких вопросов, но находил лишь одно оправдание своим книжным мыслям – мечтать можно и нужно в любом возрасте или просто помнить мечты разного времени жизни. Люди понимали его объяснения и сочувствовали ему, и себе, и всему миру, настороженно замершему на пороге вступления в остатнюю часть существования человеческого бытия.

Из этих людей, любознательных и откровенно отторгнутых нынешней потребительской средой, редко кто успел вкусить исключительно своей радости жизни, многие были уведены от собственных мечтаний и желаний в места, где погоня за благами никогда не заканчивалась, а только неожиданно обрывалась каким-нибудь несчастливым событием, и в нём человек узнавал, что он существо не только жующее и пьющее, но обладающее духовным миром, более красивым и мудрым в отношении общих правил жизни. Читатели делились с ним своими бедами и радостями, когда смерть близких или собственная тяжёлая болезнь приближала их к пониманию себя, своей ничтожности в пространстве бытия – суете сует – среди красоты окружающего мира. Их было совсем немного, понимающих радость жизни – ту, невидимую зашоренным взглядам, устремлённым в спину бегущих к благам земной славы.

Сегодня писатель шёл в издательство для разговора на предмет оформления договора на издание избранных произведений из его книг. Вчера, готовясь к утреннему выходу в свет, ловил интерес в глазах жены к его действиям и объяснил причину своего визита в редакцию. Жена вяло пробормотала: «Ну, хоть какое-то занятие», а сын сочувственно ухмыльнулся словам матери. Эта оценка писательского труда родственниками не была для него новостью, творчество никогда не

считалось достойным трудом, тем более для мужчины – добытчика и охотника... за исполнением женских капризов. Все ближние и дальние родственники говорили о нём, о его занятиях по-разному, но, будто договорившись, вкладывали в эти свои впечатления одинаковый смысл: подумаешь, писака, и я бы мог писать книги, если бы не был занят другими, важными делами. А уж эпитеты типа «придурок» и «бездельник» слышались по всей родственной территории.

В жизни случается всякое, но если одно событие заслоняет собой всё остальное, была ли сама жизнь – твоя жизнь? Два событийных пути не уживаются в одной жизни. Так, творчество и женитьба могут существовать только в абсолютном противоречии между собой. Говорят, одно другому не помеха, но склонность сознания к творческому мышлению – немалое препятствие в жизни бытовой, суете, всему, что может окружить тебя и в прошлом и будущем, – препона не со стороны тебя, а от всех, не желающих видеть рядом что-то особенное, отличное от других. Особенность или обособленность тебе никогда не простят, ни в юности, ни позже – никогда. Будут стучаться в полночь, надоедать днём, но оставить тебя один на один с тобой для всех них, любопытных до чужой жизни, непозволительная роскошь: вдруг отобьёшься от стада и один уйдёшь к пьедесталу, а этого и нельзя допустить. Найдут тебе и Верку, и водку, чтобы отвадить твои мысли от уединения. В суете какие мысли – мелочные, как россыпь битого стекла, ещё вчера бывшего красивой вазой. Отражать вторжение в мир твой нужно молчанием, а не спором. И не метать бисер, желая разбудить сонное сознание ближних и дальних, – они не простят тебе своего пробуждения от счастья невежества. Они жили безмятежно – и вдруг оказалось, есть мир, где люди думают и творят нечто, не объяснимое бытовой надобностью. Народ перестал читать книги и занялся своей жизнью настолько вплотную, что вторжение неких чуждых мелкому миру обывателей событий, прошлых или настоящих, возбуждает неприятие всего, чего не бывает в пустом пространстве жизни простого потребителя времени, времени жизни. Никого уже не волнует вопрос – зачем дана жизнь и кем? Родился, значит, живи – ешь, пей, гуляй туда-сюда, а занесёт на крутом повороте, задумаешься лишь на мгновение, покуда летишь в бездну, но уже поздно, никто твоего раскаяния не услышит и мысль твою последнюю не узнает. Прозревает человек только при падении, от удара головой о предмет, которого на пути не должно быть, но он появился – и сомнения одолели, но не в своих деяниях, а – кто путь к славе преградил? Вечный вопрос: рядом был с триумфом и вдруг за оградой торжества в качестве зрителя оказался! Несправедливо! А где ты эту самую справедливость видел? От тебя она исходила, когда к славе по головам других спешил?! Тогда и от других не жди. Божья милость существует во все века, а вышняя справедливость восторжествует на Страшном суде, там всем раздадут по делам и грехам... А писателям – по тексту, а не по знакомству с критиками и редакторами. Писатель – это вообще частный случай в земном бытии. Книжки есть, а сам автор отсутствует, потому что никто из окружающих не согласится с его особенной ролью в обществе. Даже простой землерой выше по статусу жизненному любого поэта, так как делом занят, а не каким-то творчеством: яму выкопал, кому – неважно, но это работа, её видно, а если туда упадёшь, то и почувствовать можно всю глубину этого труда. А что там у писателя в тетради – каракули, никому не нужные?

Что сулит ему нынешний выход в свет, писатель не знал, но приготовился тщательно. Выгладил рубашку, брюки, отобрал нужные рукописи, не обращая внимания на насмешливые взгляды домашнего люда, который жил за его счёт, но не хотел этого признавать и потешался над его бумажными занятиями, как бездельник, что всегда плюёт в кормящую его руку. Деньги, которые он отдавал в семью, порой немалые, возврата к нему не имели, а пропадали где-то на территориях рынков, магазинов, ночных клубов. А он подчас не мог угостить другом хорошим коньяком.

В нынешнем дне ему виделся какой-то выход из безденежья и двойной жизни: там – известный писатель, тут – ничтожество. Что-то подсказывало, что провидение Божье вмешалось в его судьбу этим радостным звонком из издательства. Его давно уже никто не искал на предмет издания книги, он всегда сам ходил по редакциям и находил тех людей, которые соглашались опубликовать его произведения. Волновало одно обстоятельство: желание редактора издать избранные произведения – но кто их будет выбирать? Сам он не сможет этого сделать, они все – его дети, и любимы по-своему, а период их написания – время счастливое, как зачатие и рождение ребёнка. Отдел шкафа, заполненный старыми рукописями под завязку, свидетель его иной жизни – красивой и светлой. «Ладно, там, в издательской конторе, разберёмся», – подумал писатель и вышел из дома, где проживал, но не жил, присутствовал лишь в своём кабинете, но не в жизни семьи.

Голос, который говорил с ним по телефону, показался очень знакомым, но тогда он не посмел спросить имени редактора и теперь надеялся на приятную встречу. Знакомиться не пришлось – редактор оказался сокурсником по учёбе в институте, они обменялись воспоминаниями о славной поре студенчества, выпили по рюмке коньяка и чашке чая, и хозяин кабинета объяснил причину встречи.

– Пришёл заказ из министерства культуры на издание избранных произведений некоторых писателей, среди них и твоя фамилия. Вот список произведений, которыми мы желаем наполнить будущую книгу. Просмотри, и, если согласен с выбором текстов и картинками, будем запускать в типографию. Я знаком с твоим творчеством и сам подготовил макет книги. Деньги выделены, книги надобно быстренько издать, покуда там, – редактор поднял палец вверх, – не передумали. Завистников у тебя хватает, недоброжелателей тоже, потому надо торопиться. Я пойду по делам, а ты изучай знакомый тебе предмет в новом отображении. Но помни, затягивать дела не стоит, куй пока горячо, любое прохлаждение может всё изменить. Некие писатели, обиженные невниманием, уже подали в комитеты культуры свой список заслуженных и очень именитых людей, но пока состоятся заседания, мы успеем выпустить книги. Обстановка напряжённая, и надо снизить градус этого накала скорым изданием интересных книг. Задействуем поговорку: кто не успел, тот опоздал. Читай...

Писатель просмотрел предложенный список произведений, что должны были войти в новую книгу и, наверное, в первый раз в своей творческой жизни был удовлетворён выбором редактора. «Лучше и не придумаешь... Хорошо, однако, когда со стороны тексты выбирают – сам бы неделю провозился, а тут быстро отобрано, и всё, как сейчас кажется, – лучшее. Надо соглашаться и с рисунками тоже. Чувствуется, художник прочёл мои труды и уловил настроение героев произведений. Сама книга страниц на четыреста потянет. Достойное завершение писательской карьеры. Но почему завершение? Дыхание смерти ещё не чувствуется,

просто уехать надобно от всего сразу», – думал писатель, в ожидании редактора прочитывая старую рукопись и по-новому ощущая события, когда-то подвигнувшие его к написанию этой повести. Повествование вырисовывалось по-иному, лучше понималась суть событий и предположенного в них будущего, а прошлое приблизилось, и в воображении возникли картины прожитой жизни – как своей, так и выдуманных и реальных героев, они стали ближе и роднее, и он понял, что все эти биографии – его недожитая жизнь, а скорее, не дождавшаяся его присутствия в ней. И уже не дождётся... На волю тогда было уйти трудно, а теперь и подавно... Кому нужен человек, не совсем ко времени получивший свободу? Но если подумать, то твоя воля никому не нужна, кроме тебя самого, а значит, ты получаешь её для себя, и пользоваться ею будешь ты. А если твоя свобода нужна другим – это уже новая кабала, похлеще той, из которой вырвался... Но ты ещё ниоткуда не ушёл и никуда не пришёл, потому рано о чём-то мыслить и предполагать, какие события тебя ожидают вне плена семейного или общественного – тут разница небольшая, – отовсюду вырваться трудно, но если очень захотеть сделать себя счастливым в одиночестве, наверное, можно получить толику радости от возможности мыслить и писать, не боясь осуждения близких и дальних людей, окруживших твою жизнь плотным кольцом недоверия, со временем сжавшимся до мизерной территории вашей свободы. Никакой свободы в реальной жизни не существует, потому о ней твердят все, кому не лень, чтобы возбудить людей к бунту против всех и себя, и в этом есть основная причина рабства – в приверженности к чужим воззваниям и мыслям, пугающим своей обречённостью, но зовущим за собой, как кролика в пасть удава. Человек не кролик, но подвержен гипнозу слов о вольной воле и жизни в раю.

Мысли писателя встрепенулись и хотели продолжиться, но вернулся редактор, и разговор меж ними принял неожиданный ракурс.

– Как тебе выбор? В отборе произведений присутствует не единое мнение, а некоего коллектива литераторов, среди которых явных писателей нет, потому что у писателей особое мнение о таланте других авторов: незнакомых они едва терпят, а известных не желают понимать. Прав я или не прав, но дело обстоит именно так, что надо отобрать лучшие произведения лучших писателей, и важна скорость отбора, и не стоит привлекать амбициозных авторов по причине, мной указанной, – редактор ободряюще глянул на собеседника.

– Знаете, я полностью согласен с этим выбором, только хочу дополнить сборник одним новым рассказом. Это возможно? – писатель подал рукопись.

– Конечно, страниц двадцать оставлено именно для такой просьбы. Но ты скромничаешь, – объявил он, листая страницы рукописи, – другие бьются насмерть, желая вместить в издание всё, написанное за время жизни, а ты – один лишь рассказ... Ну что ж, вопрос решён, но обстоятельства давят на нас и сверху и снизу, а пуще того – выделенные нам деньги покоем не обратились, а наоборот, стали предметом завистливого раздора между издателем, писателями и прочими литературными образованиями. Так что на сегодня у нас всё решено, а вот завтра приходи и получай гонорар.

– Так быстро? – ожил писатель.

– Всё по той же причине – надобно по-быстрому раздать деньги. Думаю, скоро добрую половину отымут, потому используем момент и хотим на скорости проскочить все будущие проблемы пересмотра суммы выделенных средств. Когда

деньги будут освоены, всякие посягательства на них прекратятся. Приходи с мешком, сумма приличная, но ты этого достоин.

Редактор крепко пожал руку писателя, и вдохновлённый приёмом и смелыми обещаниями светлого будущего писатель отправился восвояси.

Решив прогуляться по родному городу, он пошёл путями, известными только местным жителям, – по набережной реки, через старый мост, удивлённо взирая на новые постройки, пугающие своим искусственным нагромождением новомодного хаоса среди культовых строений прошлого. Весь новодел был сляпан на скорую руку, без всяких архитектурных композиций, топорно, по-хамски, без претензий на гармонию земной и небесной красоты. Писатель, долгое время знавший один путь – на дачу и назад в квартиру, но в своих мыслях умеющий описывать заморские и ближние страны и города, а в них и людей разных мастей и характеров, совершенно отстранился от жизни своего ареала проживания и теперь плохо узнавал городские кварталы, охваченные строительным бумом, в котором участвовали нувориши и чиновники, никогда не бывавшие в музеях Барселоны, Питера и даже Москвы, а только в тамошних кабаках и борделях и потому не видевших чудесных проектов человеческого жилья. Каковы вкусы нынешних нэпманов – такова и архитектура... Но его взгляд выискивал среди чудовищных новообразований милые сердцу остатки той эпохи, что бесследно исчезала в объятиях скоробогатых шутов и их архитектурных лакеев, – дома и общественные здания прошлых веков. Мало что осталось в городе от его давней счастливой жизни, и самой жизни осталось немного, и он задумал побег из города, из семьи – от всего чуждого мира людей, не внимающих словам Божьих наставлений.

Дома писатель не стал разяснять никому свои мысли и дела, заперся в кабинете и долго думал над содержанием записки, которую хотел оставить своим родным, но хотелось сказать такое, чтобы они даже не подумали искать его следы на земле. Отчего так случилось, что умный человек, уже вполне взрослый для того, чтобы совершать безумные поступки, решился на разрыв всех скреп, что связывали его с прежней жизнью? В глубине души он понимал, что выход, который не сулит ему ни уюта, ни покоя, – не вход в благословенный рай, а только желание некоторой свободы, желание распоряжаться самим собой, как и должно быть у людей. Конечно, он поступает не совсем прилично, но и приличия выдуманы людьми, чтобы закабалить вольный человеческий разум. Нет, рабом быть проще – подняли, накормили, отправили на работу, встретили, может быть, приласкали и уложили спать, чтобы сил набрался для трудов праведных. Называют тебя кормильцем, но ты по сути их раб, и попробуй иметь своё мнение или, не дай Бог, своё желание другой жизни – в суд попадёшь общественный, там лишат даже самых малых привилегий, а то и закроют в камеру, в психушку, чтобы даже во сне воли не видел. Мало ли примеров угнетения человека человеком, а особенно мужчины женщиной: к друзьям не ходи, выпивка под запретом, и всё остальное, кроме работы, – блажь, раз не приносит дохода. Раба нужно в строгости держать, а не то писателем или поэтом станет, что с ним потом делать? Не любят женщины поэтов. Стихи нравится слушать, а самих писателей называют не иначе как бездельниками... Устал он жить в двух жизнях сразу: одна – упрёки и презрение, другая – высокая, мыслью к небесам устремлённая. И написал он только два слова, которые выбрал из всего лексикона мудрости человеческой:

«Уехал навсегда!» – а знак поставил, чтобы понятно было, что это он прокричал на всю вселенную, чтобы слышали его тоску нечеловеческую о непрожитой жизни. Тут же, в кабинете, остался спать.

Как ни думай, как ни гневись, но жизнь продолжается независимо от твоего желания жить, она дана тебе – и она будет, куда ты ешь. Потому утром проснулся писатель, понял, что всё решено – даже свой кабинет он видит в последний раз, и заныла сердечная мышца от будущей потери пространства дружественного но в окружении недругов, будто с укором глянул с портрета, написанном другом-художником, он сам – мол, куда это ты, убогий, наострил, на кого бросаешь свои богатства – россыпи золотые слов, что таятся в книгах, собранных тобой по белому свету, подаренных тебе писателями и поэтами, ведь знаешь, как только ты исчезнешь, всё это мудрое вместилище человеческой мысли окажется на помойке, ибо злобе людской недоступно милосердие к духовным ценностям – они бесценны, но не в цене. Выбрал для себя томик стихов Петрарки и свою последнюю книгу повестей, а также прихватил маленькую книжонку стихов из своей юности, которую давным-давно издали друзья, радуясь его таланту. Собрал в сумку необходимые вещи и, оставив кабинет открытым, а записку на столе, вышел из дома с уверенностью, что всё задуманное получится, не имея адреса своего убытия и даже денег в кармане.

Редактор быстро решил все эти насущные проблемы. Деньги писатель получил хорошие прямо на свою пенсионную карточку, и наличными тоже, нашёлся и адрес убытия после откровенного рассказа о желании жить своей жизнью.

– Ты, батенька, поезжай-ка в Крым, там у меня дружище живёт, журнал держит неплохой, туда к нему толпой поэты валят. Он многое друзьям отдаёт, но Господь его не забывает милостью своей. Он тебя устроит, обогреет, а как мысли злые уйдут, сам будешь думать, как тебе жить. Он мой друг, что-то вроде воскресшего Макса Волошина, бесребреник, но умеет людей взлохмаченных устроить, успокоить и гордыню смирить, поможет и раба из себя выдавить. Так что давай, коли решил – действуй. Думаю, увидимся, если доберёшься к месту, солнцу и добрым людям. Будь здоров, боярин! – редактор обнял писателя.

Выйдя из редакции, писатель сел в такси и прибыл на вокзал, где удачно переместился в вагон поезда, готовящегося отправиться в Краснодар, а там и Крым недалеко. Важно на что-то решиться, и удача будет тебе в попутчицы.

СТАРИК И ГОЛУБИ

Не удивляйтесь, любопытный читатель, но в этом повествовании вы не найдёте даже намёка на связь моих слов с гениальным произведением папаши Хэма (да простит он мне мою фамильярность, но мы в некотором роде – коллеги по цеху), кроме определения имени героя, не по прозвищу его среди людей, а мерою времени человеческого пребывания на белом свете. Также в моём рассказе не будет бушевать море, не найдётся места рыбакам и рыбам, по причине надобности описания горной местности, совершенно непригодной для помещения сюда водных просторов бескрайнего океана. Несхожесть в сути двух, по времени очень отдалённых друг от друга сказаний, существует ещё и потому, что автор позднего рассказа никогда не бывал близ необозримых водных стихий и сумел наслаждаться

ся только зримой доступностью глади озёр и бурным течением горных рек. Но вместо буйных вод океана автор желает показать читателю бездонные глубины небес, их обитателей, которые схожи с ангелами, что несут на своих крыльях красоту Божьего мира, соизмеримую только с радостью человеческого взгляда, внимающему этим чудесным обновлениям живописных полотен высшего Творца. Не претендуя на славу мудрого Хемингуэя, автор пробует рассказать о своём понимании радости и печали людей, их одиночества среди непонимания простых истин, однако, порой незримо, дарующих счастье в недолгом пребывании среди роскошных видений земного бытия.

Старик сидел в глубоком кожаном кресле, поставленном под небольшим навесом у крыльца своего дома. Весеннее солнце щедро освещало уголок его пребывания, и, похоже, он наслаждался юным, ласковым теплом начала светлого дня, откинув голову на спинку кресла и прикрыв глаза. Но вот лёгкий трепет беспокойства потревожил безмятежность его лица, старик открыл глаза, поднялся на ноги, обнаружив кряжистую фигуру, где угадывалась несгибаемая выправка кадрового офицера, слегка согбенную прожитыми годами, но напоминавшую крутым изгибом плеч о мощной мужской силе в период её расцвета. Взявшись за спинку кресла, он не без труда передвинул сидение к центру двора, поднял голову к небу и, сунув пальцы рук в рот, по-молодецки засвистал, оглашая воздух заученными навсегда звуками понятного кому-то призыва. Звуки взлетели к небесам, а вслед им с крыши дома рванулась в полёт стая голубей, закружилась над землёй, уносясь в голубую небесную высь. Старик вертел головой, следя за кружением птиц, покуда стая выстраивалась в необходимый порядок разлёта, и присел в кресло, когда голуби обратились в малые точки на огромности картины небесного пространства. Он снова прикрыл глаза и будто бы задремал, но его сознание ясно рисовало для него одного понятное движение птиц на недоступной глазу высоте. Что делать, если прожитые годы утомили чувства и силы, но оставили светлую память происшедших событий, а всё происходящее ныне и есть лишь повторение твоего прошлого участия в жизни? Память – одно из самых удивительных человеческих чувств, которое никогда не утрачивается людьми, желающими помнить прошлое. Теряют память только злодеи, чьё прошлое темно и жутко, Господь лишает их добрых чувств, ввергая в безумие.

Полёт голубей – светлая радость незабвенного детства, юности, как песни матери и сказки бабушки, остаётся с тобой навсегда, до окончания жизни, а может быть, и потом, когда на крыльях голубиной стаи ты вознесёшься в небесное царство и там обратишься птицей Божьей – той мечтой крылатого детства, в которую всегда верил.

Старик и сейчас верил своей давней мечте и потому мысленно парил в небе, и видел, как кувыркаются в нем его любимые голуби, и следил, чтобы они не увлекались «боем» чрезмерно – до смертельного падения на землю. Бывало и такое, всем хочется первенства, и птицам тоже. У них свои соревнования – кто выше взлетит, кто ниже всех кувыркнётся с той невероятной выси. Но, слава Богу, все они всегда возвращаются домой от любых просторов и высот... Чего нельзя сказать о людях, в том числе и о собственных детях. Вылетев из гнезда для познания жизненной науки, дети редко возвращаются назад даже своей памятью, но почему они так жестоки в этом беспамятстве к малой родине и

родным лицам – неразрешимый вопрос нынешних и прошлых взаимоотношений отцов и детей.

Старик родился и вырос в одном месте и, помотившись по белому свету, здесь же оставался жить, наверное, потому, что разумом, насыщенным видами скитаний далёких и близких, понимал бессмысленность перемены местоположения в поисках лучшего бытия или желания начать жизнь в новом мире – светлом и чистом, без греховной вины в событиях прошлого времени. Лучше всего жить там, где в сюжетах жизненного пространства остались твои детские и юношеские годы, а с ними и ты сам продолжаешь жить в них – деревьях, реке и даже камнях. Он знал, что счастье человеческой души – это лишь прекрасные мгновения в узнавании красоты Божьего мира, что нет на белом свете территорий всеобщего счастья, счастливых государств и народов, а начать новую жизнь невозможно: даже за тридевять земель за тобой проследуют живущие в тебе нравы и привычки, мироощущение и память прошлого. Всюду, всюду, в какую сторону ты бы ни подался, тащишь с собою самого себя – любимого и нет. Уехать – не значит перемениться, это просто смена интерьера, обстановки природной или ещё какой-нибудь декорации, которые на время успокоят шатание разума, нечистую совесть, бродяжью сущность мыслей.

У взрослеющих детей желание свободы столь велико, что, её обретая, они теряют чувство меры вольных приделов и растворяются в туманных пространствах чужбины, проживая жизнь среди таких же иванов, родства не помнящих... Тяжело так думать отцу, и время эту боль не лечит, родная кровь взывает к единению. Но это твоя кровь течёт в жилах детей, а их крови в тебе нет, а внуки, никогда не видевшие деда, воспринимают тебя как сказочное явление, нарушающее устои их понимания жизни (хотя какие устои у отроков неустойчивых), но ты уже не можешь повести их за собой, показать пример силы и мужества – и проигрываешь сражение в битве за семейное единство.

Нет, его дети бывают у него, редко, но приезжают погостить. Гости они в своём родном доме, для них построенном, и хотя все люди на земле только временные постояльцы, но существует же живоносный родник – родня, родина, где тебя ждут и любят просто так, за то, что ты есть на свете, да и само явление детей – как дивный свет в глазах отчих, который вселяет в них радость и продлевает дни жизни. Эта радость заканчивается, когда начинаешь понимать, что твои дети – чужие люди, а все их неудачные попытки осознать родство заканчиваются скорым отъездом и обещаниями бывать чаще. Но так повелось – меньше всего любви достаётся нашим самым любимым людям. Только начинаешь привыкать к присутствию родных людей, а их уже след простыл...

Он остался один после ухода в другой мир жены – молещницы и плакальщицы за весь род свой, а также знакомых и даже незнаемых людей, для всех живых просила она милости Божьей и покоя умершим. Особо за детей, внучат и их семьи – просила подать им доброго здоровья, душевный покой и привести их в храм Господень. Старик слушал её молитвы и верил, что слова эти будут услышаны, очень уж истово молилась мать, слезу её молитва вышибала из сердца мужского, к невзгодам привыкшего. Теперь и сам пытался славить и молить Всевышнего, но не получалось той искренности в его обращениях к небесам. Мешали молиться мысли шальные, безбожные – лукавый смущает – наверное, вера ещё не окрепла, не обьяла разум сознанием Господнего присутствия в

каждом человеческом движении по времени жизни. Видно, Бог сам назначает молельщиков за род человеческий и словом дарит пронзительно-верным. Чтобы быть услышанным, надобно слышать боль и страдания человеческие как свои собственные. В страданиях жив человек, а кто от боли умалается, тем не суждена жизнь вечная. Жизнь вечную надобно заслужить, но и просто долгая жизнь земная, она зачем-то дана, на радость или для чего-то другого, ведомого только Творцу? Долгая жизнь с течением времени всё непонятней становится, всё неуверенней в ней себя чувствуешь – меньше людей рядом, готовых прийти на помощь. Да и кто нынче помочь готов? Измельчал народ, боится душу открыть перед людьми, как пред Богом. Хотя чего напраслину возводить на всех сразу, грех на душу брать. Соседский парнишка всегда готов помочь, и звать не надо, сам приходит и выспрашивает – не надобно, мол, чего, дедушка? Как добрый друг поступает, и отец его ничего против их дружбы не имеет, тоже заходит за жизнь поговорить. Добрые соседи попались. А вот с другой стороны тоже сосед живёт, но человеком его трудно назвать.

Поселился он здесь за высокой оградой и сразу вроде хозяина всей улицы вознамерился стать, хотя никто его о том не просил. До него в этом доме старушка жила – вежливая, чистенькая, как херувим, из прошлой жизни человек – Божьим светом осиянная. Всё к ней странники ходили да голытьба местная, и всех она привечала, угощала, хотя сама жила с огорода и ещё чем-то, верно, пенсию получала. Разговаривала мало, улыбалась лишь всем и всему по-детски – светло. Дом большой, добротный, сын её ставил, но потом она почему-то одна жила, а как померла, так этот сосед и появился, наследовал, видно, имущество старушки. И пошло-поехало: с улицы ворота и забор поставил выше дома, и соседство ему сразу не понравилось – то деревья кронами на его территорию проникли, или собака лает не вовремя, а голубей невзлюбил до помутнения рассудка, садятся, мол, на крышу его дома, но никто этой причины его ненависти не видел, да он всякую напраслину возводил: гадят птицы ему на голову и перья во двор летят... А деревья и птицы тут ни при чём, просто через них он весь белый свет ненавидел. Весь дом перестроил, в казарму превратил, двор перелопатил, говорят, бабкин клад искал, в огороде кусты заморские посадил, по сей день чахнут, потому как солнца южного им не хватает, но и в этом соседи виноваты, мол, их деревья свет закрывают. От слов, не раздумывая, к делу приступил. У забора, что межевал их земли, на стариковской стороне издавна росли плодовые деревья – абрикосы, сливы и радовали ежегодным урожаем, но только стали высыхать без причины, захирели и пропали. Нашлась, однако, причина: сосед налил вдоль своего забора солярки под корни соседским растениям, и зачахли деревья во всей красе весеннего цветения от невиданной в этих местах человеческой злобы.

Жестоким сосед оказался, всё для себя и под себя грёб, но и себя, и имущества своего не жалел, лишь бы ближнего ущемить, унижить – свою ведь землю тоже погубил, но соседский ущерб важнее для такого, как он, ненавистника. Жена его мужику под стать подвизалась, со всеми бабами в округе переругалась, а сама дура душой и обличем чистая Яга. Детей им Бог не послал, видно, испугался, что наплодят бесенят, злющих, как и сами. Страшно за таких людей, от них ничего кроме обид и ущерба нет, а для чего живут, сами не знают.

Старик задремал, и покатила перед ним жизнь его, будто чёрно-белые кадры старого фильма. А рассказать в том многосерийном фильме было о чём, и слова

мудрецов о том, что всякая человеческая жизнь достойна внимания – верны во все времена. Больше большого повидал на своём веку старик, и многое из прожитого запомнилось навсегда, будто вчера происходило или сегодня произошло.

Воевать он не успел, послали учиться воинскому искусству в город Хабаровск, а тут Победа Великая приспела, а им, молодым дуракам, будущим офицерам, было жаль, что не успели на фронт попасть, не досталось по пуле, как Высоцкий поёт. Но училище он закончил и отбыл служить на Дальний Восток, в город Дальний. Лучше не придумаешь названия – дальше в дальнем. Но приноровился к бытию дальнему, суровому, приобщился к технике военной, квалификацию получил, стал начальником радиолокационной станции в чине капитана. Должность ответственная – небо на замке держать и решения принимать самому, кого пропустить, а кого... Всякое бывало – враг не дремлет, и нам нельзя впадать в умиротворение от прошлых побед, это капитан твёрдо знал, и потому служба мёдом не казалась, но и тягостью не была, потому что знанием дела обеспечивалась сполна. Но служба службой, награды, конечно, в радость, а вот главной награды – женской любви в дальнем отдалении от городов и весей сыскать трудно. Жены сослуживцев, будто приманка для холостых офицеров, раздражитель спокойствия мужского – не хочешь, но свернёшь с дороги чести и достоинства и падёшь в сумбур сомнений – почему он, а не я на ней женат. И пойдёт, и подхватит ветром вселенской несправедливости, и помчит туда, куда нельзя, но можно потому, что ты тоже заслуживаешь любви и ласки и выполняешь все приказы командира, а призывы его жены к взаимопониманию тоже можно признать отчасти службой, правда, более приятной, нежели основная. Тут главное не расслабиться и не перепутать себя с командиром – если у тебя шашни с его женой, это ещё не значит, что ты старше по званию. Тут как раз и нужна полная субординация, и тогда всё и всем будет хорошо. Но хорошо всем не бывает никогда, а тайна она только для тебя тайна, и потому кажешься себе эдаким Штирлицем, хотя на своей территории находишься и даже в части воинской тоже родной, но делаешь дело, а заодно ворует любовь, востребованную в супружеской постели. Так у него и получилось, он к ней в амбулаторию, подлечиться от простуды, она его на кушетку, его в дрожь от близости женской роскоши – один короткий халатик на ней – прижался к ней, а она не против, по-хозяйски дверь в кабинет закрыла, ну и случилось то, что получилось и всегда получается между мужчиной и женщиной. Короче, разбудила она, жена командирская, всю его дикую силу, долго томившуюся в недрах... под формой солдатской, в самом центре всех сплетений жизненных чувств мужских. Начались встречи без желания прощаний, и такая любовь меж ними возникла, что и минута жизни без неё казалась томительно вечной. Ситуация серьёзная вышла, тут смелость нужна или дурь безусловная, чтобы под носом у командира его за этот самый нос водить, но получалось, как им казалось, очень неплохо, а им было совсем хорошо, встречались и в кабинете, и в лесу, и в его холостяцкой берлоге, но постепенно бдительность утратили, стали в лес уходить среди бела дня и на ночь в капитанской каюте оставаться – любовь всё должна была оправдать. Но такого оправдания не вышло, да и суда не было, кроме людского, который за твоей спиной происходит, а ты и не знаешь, что осужден мнением света, в посёлке Дальнем. Кончилось все однажды и навсегда, быстро и удачно для любовников.

Вечерком приятным раздался в дверь капитановой квартиры стук, кинулся открывать, думал, любимая пришла, а там полковник – муж любимой женщины. Вошёл и говорит оторопевшему подчинённому: «Капитан, что-то плохо гостей встречаешь, наверное, выпить нечего, так я прихватил», – и бутылку водки на стол ставит. Хозяин ожил, засуетился, соорудил закуску нехитрую – колбаску да огурчики. Выпили, закусили. «Что-то огурцы мне больно вкусом знакомы, чай, не из моего ли подвала?» – определил тему разговора гость, а ответить хозяину нечем, только глаза спрятал и молчит. «Люди мы военные, ко всему привыкшие, потому ругаться не будем. Завтра поутру отбываешь, капитан, на службу в город Владивосток. Документы уже на месте, рапорт подготовлен, характеристика добрая в соответствии с твоей службой под моим руководством и ничего личного, так что не поминай лихом, но чтобы я тебя больше не видел, появившись на глаза – застрелю. Давай на посошок и собирай вещи, завтра в шесть ноль ноль отбываешь, и без прощаний», – командир выпил и вышел из дому без рукопожатий и слёз, по-мужски. Запомнил тогдашний капитан слова командира про застреленность, а что, боевой офицер, мог и сразу пристрелить, но предупредил и очень серьёзно. Поэтому утром раненько капитан сел в приготовленную для него машину и отбыл на военный аэродром, не попрощавшись с любимой своей, но чужой женой, и не потому, что испугался, а потому, что поверил в искренность непереносимой сердечной боли своего седовласого командира, фронтовика-орденоносца.

Прибыв на место новой службы, которая никак не изменилась в рабочей специализации, он, согласно хорошей характеристике, получил очередное звание и в чине майора заступил на должность начальника отделения связи. Любимая часто приходила к нему во снах, там же он порывался куда-то ехать, но в реальности оставался на месте и ещё долго тосковал по своей запретной любви, которая так и осталась лучшим его воспоминанием на всю остальную жизнь. Не те девчонки, с которыми они гуляли, обучаясь в военном училище, юные, смешливые и отчаянные, а именно эта зрелая любовь женщины в часы одиночества сводила его с ума и не давала покоя душе ни днём, ни ночью. Он безмерно страдал, но не посмел нарушить запрет, сознавая, что достаточно причинил достойному человеку страданий гораздо более тяжких, нежели его нынешние огорчения. Женщин в городке было много, а в городе – тьма, но он, прикипев сердцем к дальней, невозвратной и желанной чужой жене, долгое время оставался равнодушен к откровенным жестам и взглядам местных красавиц, чем ещё больше возбуждал женское любопытство. В его сердце будто бы вошла колючая заноза, но время не рассосало это чужеродное образование, а наоборот, она разбухла и не давала мыслить о чём-нибудь другом, кроме женщины, оставленной в Дальнем и совсем не близком месте. Служба на новом месте больно напоминала о ней прежними приборами связи, формой сослуживцев, а когда он заходил в воинский медпункт, то в каждой медсестре ему чудился образ любимой. Однажды приснился сон, очень похожий на явь, где он, увлекаемый зовом невидимой женщины, шёл по полю, зная, что это она, его радость и боль, зовёт неизвестно куда, но где-то в дымке тумана, у самого горизонта его ожидает награда за усердие в долгом пути. Проплутав всю ночь, так и найдя предмет поиска, он проснулся, и как некое неожиданное прозрение пришло решение уйти со службы, чтобы освободить память от вещей и событий, напоминающих о потерянной любви. Волнительные последствия внезапно обо-

рванной любви оказались более продолжительны, чем само время любовных утех, и вырваться из этих пут памяти счастливых мгновений было нельзя, не изменив самого жизненного уклада.

Командир удивился его рапорту об отставке, пытался уговаривать, но влюблённый в свою память майор был неколебим. После некоторых формальностей наш майор, совершенно свободный от службы, уставной дисциплины и прочих обязанностей, – без дома и семьи вышел в мир, ещё малоизвестный, где надобно было жить без приказов и равнений, а по собственному желанию и способностям к умению проживать в мире алчном и недружелюбном. Пышных проводов не последовало, он немного времени отслужил на новом месте, но успел зарекомендовать себя как знающий офицер и чуткий товарищ, и его наградили именованным оружием, доброжелательной характеристикой и добрыми напутствиями.

Ему повезло, он очень скоро устроился на рыболовецкое судно, надолго покидавшее суетливое пристанище людей – сушу для промысла рыбы в необозримых океанских просторах. Такие условия новой работы ему сразу понравились, в отдалении от человеческих страстей легче переносятся муки любви, а тяжелая работа гасит брожение плоти, пусть даже очень легко возбуждаемой неуёмной памятью. Он сразу ушёл в море, а военная закалка характера и мышц тела помогла ему выдержать тяготы обучения профессии рыбака, и скоро бывший майор вписался в пёстрый рабочий коллектив суровых мариманов и отчаянных бродяг. Знакомство и дружба с такими людьми существовали, но ни к чему не обязывали – всё было временным: и работа в море, и отдых на суше, менялась только обстановка и условия жизни. На судне во время всего похода действовал сухой закон, а на берегу эти трудолюбивые парни пускались во все тяжкие и после такого «отдыха» едва приползали на судно для продолжения трудовой деятельности. Такая жизнь рыбака считалась нормой. Даже жёны, что ожидали их, как награда за тяжкий труд, были общими – один уходил в море, другой являлся на смену, если не на белом коне, то при деньгах обязательно. Эта бесшабашная жизнь не приглянулась Майору, которого рыбаки так звали, обратив звание в прозвище, и он после первого прибрежного загула отстранился от всех пьяных мероприятий на суше, снял жильё и проводил время, познавая город и его достопримечательности. Ещё будучи отроком, он пристрастился к чтению книг, но на службе военной времени для такого досуга не доставало, и тут он принялся навёрстывать упущенные возможности для узнавания о прошлых событиях, так как любил книги познавательные, исторические. Женщины, конечно же, присутствовали в его жизни, но жертвовать ради них свободой он не решился, они того не стоили, да и отъезды на долгие месяцы в море гасили любую сердечную привязанность, кроме той далёкой, но и её образ потускнел во времени отдаления его взгляда от пленительной природы – она редко снилась и уже не манила бегать за ней по просторам сновидений. Любовь минула, но признаться себе в этом было трудно, хотя недавно он этого желал, чтобы забыть о ней, а сделать этого не смог и научился мечтать о любви, которую представлял нежным облаком, плывущим в ареале небес недосягаемых в недоступности этой высоты.

Несколько лет были проведены в некотором одиночестве, насколько так можно назвать положение человека читающего и глубоко понимающего прочитанное, умеющего создавать образы героев книг и ареалы их обитания, живущего несколько отвлечённо от многоголосия и суеты мира сего. Ко времени или нет, объ-

яснить можно по-разному, у него появилась тоска-печаль по родным местам малой родины – может быть, бессемейное, пустое существование желало объединиться с чем-то, если не в настоящем, то хотя бы с прошлыми видениями и людьми в них. За время работы на траулере он прослыл трезвенником, но смелым и умелым рыбаком и добрым товарищем, сумел скопить приличную сумму денег и потому, устроив корешам по работе пир на весь мир, без сожаления отбыл домой, где его тоже уже никто не ждал. Родители умерли ещё во время его службы на Дальнем, сестра некоторое время жила в отчем доме, но вышла замуж и, продав имущество, уехала обживать просторы мужниной родины.

Как приехал отставной воин и рыбак на родину, закружилась голова его от радости видения просторов отеческих – купил дом у реки Вольгарки, где купался мальцом, обустроил жильё, завёл голубей и... женился. А что, если молод ещё человек, не утомился от жизни, не растратился телом и духом. Познакомился со своей суженой на службе, куда устроился начальником охраны трикотажной фабрики. На таких производствах женщин пруд пруди, но он долго держался особняком, потом заметил девушку, которая вроде и внимания не обращала на его бравый вид, а между тем некоторые под ноги бросались, лишь бы внимание обратить. В клубе познакомился и сразу, а чего тянуть – время не медлит, предложил расписаться, короче, по-солдатски – штурмом взял, хотя и против никого не было, и соперников тоже. Мужики девок шустрых любят, а эта тихоня, но такой доброй и ласковой оказалась, а от добра добра только дураки ищут. Уже позднее, как вместе жить стали, так и любовь в нём восхитилась, теперь уже не краденная – своя. Любил старик свою жену неброско, показушная любовь проходит быстро, потому как на обмане построена, а он берёт её от труда тяжкого и в заботах помогал житейских. А как сын родился, тут уж сам Бог повелел жену благодарить да лелеять, а потом совсем привязался к семье, домой спешил со службы, будто после долгой разлуки. Вспоминалась, конечно, старая любовь, но уже как-то вместе с прошлым временем, была служба военная, и женщина там тоже была красивая, но временная, а теперь жизнь постоянная, семейная. Молодая жена его прошлым не интересовалась, так оно и лучше, что было, прошло и ничего не вернёшь, не поправишь, а станешь прошлым томиться, только усталость раннюю наживёшь и болезни душевные. Так и прожили, слава Богу, не бранясь, не бегая за чужими советами, а своим умом и любовью своей – тихой и верной. Плохо, что приходится жизнь в одиночестве доживать, но ничего здесь не поделаешь, судьба у всех своя, а жить надо, сколько отведено.

Вдруг звук выстрела потряс воздух. Старик вскочил из кресла, и тут на него, крышу дома и землю во дворе посыпались перья и безжизненные тушки голубей. Он быстро взобрался на крыльцо и увидел, что во дворе своего дома стоит сосед и перезаряжает дробовик. «Ты что же делаешь, сволочь?!» – закричал старик. Сосед зло ухмыльнулся и направил ствол в сторону старика: «А вот сейчас и тебя, старая калоша, подстрелю», – он прищурил глаза, целясь в грудь жертвы. Старик замер, но не от страха – от прилива ненависти к человеку, что принял образ зверя в его глазах, и он, не мигая, смотрел в жерло смерти, имея одно желание – раздавить эту гадину собственными руками или умереть. Выстрел грянул, но опять вверх, сосед передёрнул ствол, и заряд ушёл в небо, а стрелок, торжествуя победу, закричал: «Что, испугался, старый? Ладно, живи, а ворон твоих всех изведу сегодня!» – и снова стал менять заряд. Старик ожил от той угрозы и скрылся

в доме. Сосед долго вылавливал небесную цель и уже хотел нажать курок, как щёлкнул пистолетный выстрел, и стрелок, заорав благим матом, бросил оружие и, согнувшись от боли, схватился за руку, ещё недавно державшую палец на курке. Старик навёл пистолет на голову раненого врага и, наверное, застрелил бы его, но тут в его руку вцепился соседский мальчишка, невесть откуда взявшийся, со слезами на глазах твердя одни и те же слова: «Не надо, дедушка, дедушка, не надо», – слёзы парня охладили кипящую ненависть, и старик обмяк и отдал оружие в руки юноши. Отдав именно пистолет, который давно уже не использовался по назначению, а вынимался из домашнего сейфа только для чистки и смазки, но выстрелил в первый раз за долгое время молчания и сразу же попал в нужную цель, хозяин дома, двора и голубей, будто слепой, шарил по двору, подбирал мертвых птиц и складывал на кресло. Слёзы неудержимо текли по его лицу, бороздя и без того глубокие морщины, но он продолжал свой нелёгкий труд, поднимая пернатых друзей для какой-то ему одному понятной и надобной цели. Горка убитых в полёте птиц росла, за забором выл, не переставая, сосед, посреди двора стоял мальчишка с пистолетом в руках, а вокруг уже собралась толпа сочувствующих и зевак. Люди молчали, молчали и милиционеры, прибывшие на место происшествия и знавшие хозяина голубей по его службе в охране, а старик стоял на коленях и, обняв руками грудь убитых голубей, плакал. Плакал мальчишка, вытирая слёзы кулаком руки, в которой был зажат пистолет, и почему-то никто оружие не отнимал, женщины тоже утирали слезу концами платков, а на другом дворе, за забором, врач скорой помощи бинтовал руку беспрестанно воющему соседу, и больше там никого не было – ни сочувствующих, ни просто любопытных, и только жена раненого убийцы выкрикивала проклятия в адрес всего белого света, но никто этого не слышал или не слушал.

